

ПРОЦЕССЫ РУСИФИКАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЛЕНГИЗМОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Турсунова Мая Эркиновна

*Преподаватель кафедры русской филологии
Ферганского государственного университета*

Аннотация. *В статье исследуются процессы русификации англоязычных сленгизмов, функционирующих в современной интернет-коммуникации. Обосновывается тезис о том, что русификация представляет собой поэтапный и многоуровневый процесс, охватывающий графический, фонетический, грамматический и семантический аспекты освоения иноязычной единицы. Интернет-среда рассматривается как принципиально новый контекст, ускоряющий и видоизменяющий традиционные механизмы языковой ассимиляции: именно здесь сленгизм проходит путь от латинографичного вкрапления до полностью одомашненной кириллической единицы с развитой парадигмой и словообразовательными дериватами в срок, несопоставимо более короткий, чем в доцифровую эпоху. Предложена четырёхуровневая модель описания русификации, позволяющая фиксировать степень освоенности единицы на каждом из уровней независимо. Показано, что полная русификация по всем четырём параметрам является исключением, а не правилом: большинство интернет-сленгизмов занимают промежуточное положение, сочетая освоенность на одних уровнях с сохранением иноязычной природы на других.*

Ключевые слова: *русификация, сленгизм, заимствование, интернет-коммуникация, ассимиляция, графическое освоение, грамматическая адаптация, сетевой язык, англицизм.*

Язык существует в движении. Любой срез живого языка - это не фотография, а скорее смазанный кадр: что-то уже устоялось, что-то только возникает, что-то исчезает, едва успев закрепиться. Это движение особенно хорошо заметно в сфере лексических заимствований, где граница между «своим» и «чужим» постоянно смещается, и единица, недавно казавшаяся откровенно чужеродной, со временем настолько врастает в язык, что её происхождение становится достоянием лишь специалиста-этимолога.

Интернет сделал это движение видимым в режиме реального времени. Если прежде лингвист мог лишь реконструировать историю заимствования по разновременным письменным памятникам, то сегодня он может наблюдать, как

конкретный английский сленгизм появляется в русскоязычных текстах соцсетей сначала в латинской графике, затем в кириллической транслитерации, затем обрастает суффиксами и всё это в течение нескольких месяцев, а не десятилетий. Это создаёт исследовательскую возможность, которой у лингвистики прежде попросту не было: изучать процесс русификации не в ретроспекции, а в текущем времени.

Термин «русификация» в применении к заимствованиям используется в науке неединообразно. В широком смысле он охватывает всю совокупность изменений, которые претерпевает иноязычная единица при вхождении в русский язык. В более узком только один из аспектов этого процесса: например, переход с латиницы на кириллицу. Настоящая статья опирается на расширенное понимание: русификация рассматривается как многоуровневый процесс освоения, затрагивающий графику, фонетику, грамматику и семантику последовательно и нередко асинхронно.

Исследованию русификации иноязычной лексики посвящены труды Л. П. Крысина [1], описавшего стадиальную природу освоения; Е. В. Мариновой [2], систематически изучившей новейшие заимствования рубежа XX–XXI веков; Э. Ф. Володарской [3], сосредоточившейся на русско-английских контактах. Интернет-коммуникация как особая среда бытования и формирования сленга исследована в работах М. А. Кронгауза [4], Г. Н. Трофимовой [5] и О. В. Лутовиновой [6]. Однако целостного описания именно механизмов русификации применительно к интернет-сленгизмам, учитывающего специфику сетевой среды как ускорителя и модификатора традиционных процессов, в отечественной науке пока нет.

Цель настоящей статьи - описать механизмы и уровни русификации англоязычных сленгизмов в современной интернет-коммуникации и предложить аналитическую модель, позволяющую дифференцированно фиксировать степень освоенности единицы на каждом из уровней. Объект исследования англоязычные сленгизмы, функционирующие в русскоязычном интернет-пространстве. Предмет процессы их русификации, рассматриваемые в графическом, фонетическом, грамматическом и семантическом измерениях.

Работа носит теоретико-аналитический характер. Её источниковую базу составляют несколько групп материалов. Первую образует лексикографическая база: словари молодёжного сленга и жаргона [7, 8], онлайн-ресурсы фиксации сетевой лексики («Викисловарь», «Словарь интернет-сленга»), а также неологические базы данных, опирающиеся на корпуса текстов социальных сетей. Вторую группу составляют теоретические труды по теории заимствования и ассимиляции [1, 2, 3, 9], а также классические работы по русскому

словообразованию [10, 11]. Третью исследования в области интернет-лингвистики и социолингвистики сетевой коммуникации [4, 5, 6, 12].

Методологическую основу составляет многоуровневый лингвистический анализ. Графический анализ фиксирует тип употребляемого алфавита и степень орфографической стабилизации единицы. Фонетический анализ описывает характер звуковых преобразований при переходе из английской фонологической системы в русскую. Грамматический анализ устанавливает степень включённости единицы в русскую морфологическую парадигму. Семантический анализ выявляет характер смысловых трансформаций по сравнению с исходным английским значением. Теоретической рамкой служит концепция Л. П. Крысина о стадиях освоения иноязычного слова [1], расширенная применительно к условиям интернет-коммуникации.

Примеры, используемые в статье для иллюстрации теоретических положений, взяты из открытых источников: публичных текстов социальных сетей, форумов и новостных ресурсов русскоязычного интернета периода 2018–2024 годов. Выбор примеров продиктован принципом максимальной показательности для каждого из описываемых механизмов.

Интернет как ускоритель и модификатор русификации

Чтобы понять специфику русификации сленгизмов в интернет-среде, необходимо сначала установить, чем эта среда отличается от традиционных каналов распространения заимствований. В доцифровую эпоху иноязычное слово проникало в язык преимущественно через письменные тексты (переводную литературу, прессу, деловую переписку) или через устную речь профессиональных сообществ. Оба канала предполагали относительно медленное распространение: слово закреплялось в словаре лишь после многолетней циркуляции в текстах.

Интернет изменил эту логику радикально. Новый сленгизм, появившись в одном тексте, может в течение нескольких часов оказаться воспроизведённым в тысячах других благодаря механизмам репоста, цитирования и вирусного распространения. Это означает, что частотный порог, за которым слово перестаёт ощущаться как окказионализм и начинает восприниматься как «знакомое», достигается несопоставимо быстрее, чем прежде. В результате и последующие стадии русификации грамматическое оформление, словообразовательное освоение тоже сдвигаются во времени: то, на что прежде уходило десятилетия, сегодня может произойти за год-два [4].

Вместе с тем интернет не просто ускоряет традиционные механизмы он их видоизменяет. Принципиально важно, что интернет-коммуникация является письменной, а значит, именно письмо, а не устная речь становится первичной

средой, в которой сленгизм фиксируется и распространяется. Это создаёт ситуацию, нетипичную для традиционной социолингвистики: слово «рождается» в письменной форме и лишь потом (если вообще) приобретает устное воплощение. Следовательно, именно графический уровень русификации приобретает в интернет-среде особое системообразующее значение.

Уровень первый: графическая русификация

Графическая русификация переход сленгизма с латиницы на кириллицу является в интернет-среде нередко первым и наиболее заметным шагом освоения. Именно с него начинается «одомашнивание» иноязычной единицы: слово, написанное латиницей, воспринимается как явно чужое, цитируемое, взятое в кавычки самим фактом алфавита. Как только оно появляется в кириллической записи, эта дистанция сокращается.

Механизмы графической русификации неоднородны, и их разграничение существенно для понимания природы процесса. Первый механизм транслитерация: побуквенная или поблочная замена латинских графем кириллическими с ориентацией на зрительное сходство, а не на произношение. Английское *hype* транслитерируется как «хайп» с опорой на чтение английского слова, английское *cringe* даёт «кринж». Транслитерация сохраняет некоторую «иностранность» в облике слова нетипичные для русского языка сочетания букв, однако уже вводит его в кириллическое пространство.

Второй механизм транскрипция: передача не графического, а звукового облика слова средствами принимающей системы. Нередко транслитерация и транскрипция дают одинаковый результат, однако в ряде случаев расходятся. Английское *vibes* через транскрипцию даёт «вайбс» (с сохранением финального «с»), через транслитерацию «вибес»; в реальном употреблении побеждает транскрипционный вариант «вайб», к тому же без финального «с» усечение, продиктованное не фонетикой, а русской просодической нормой, предпочитающей открытый слог.

Третий механизм орфографическая стабилизация: процесс, при котором конкурирующие варианты написания (характерные для первой стадии проникновения слова) постепенно сходятся к единому стандарту. «Хайп» и «хайпъ», «стримить» и «стрімить» подобные колебания типичны для переходного периода и постепенно разрешаются в пользу одного варианта по мере роста частотности слова. Интернет ускоряет этот процесс: большая частота употребления означает более быстрое «голосование» за тот или иной вариант.

Уровень второй: фонетическая русификация

Фонетическая русификация обеспечивает вхождение иноязычного слова в звуковую систему русского языка переработку его фонемного состава в

соответствии с отечественной фонологией. В письменной интернет-коммуникации этот уровень менее заметен непосредственно, однако его следы отражаются в орфографии: способ записи слова нередко свидетельствует о том, как именно оно произносится.

Центральная проблема фонетической русификации англицизмов обращение с фонемами, которых нет в русском языке. Английский межзубный фрикатив «th» последовательно замещается либо «д»/«т» (в зависимости от звонкости), либо «з»/«с». Дифтонги, характерные для английского, монофтонгируются или переосмысливаются как сочетание двух русских гласных. Конечный звонкий согласный оглушается в соответствии с русскими правилами позиционной нейтрализации – причём это происходит даже тогда, когда пишущий осознаёт, что в оригинале слово оканчивается на звонкий звук.

Особого внимания заслуживает проблема ударения. Английские сленгизмы нередко имеют нетипичное для русских слов место ударения, и при русификации это место может либо сохраняться (если оно совпадает с русской просодической нормой для слов данной слоговой структуры), либо сдвигаться в соответствии с этой нормой. «Стример» сохраняет исходное ударение на первом слоге что вписывается в русскую модель существительных на «-ер». «Хайп» как односложное слово лишено проблемы ударения. «Инфлюэнсер» демонстрирует нестабильность: в разных употреблениях ударение варьируется, что свидетельствует о незавершённости фонетической русификации единицы.

Уровень третий: грамматическая русификация

Грамматическая русификация включение иноязычной единицы в морфологическую парадигму русского языка является, пожалуй, наиболее функционально значимым уровнем. Пока слово не обрело падежных форм (для существительных), личных форм (для глаголов), форм числа и рода, оно остаётся синтаксически ограниченным: его трудно ввести в предложение естественно, не прибегая к синтаксическим ухищрениям.

Для существительных первым шагом грамматической русификации является присвоение рода категории, отсутствующей в английском и потому не имеющей в нём формального выражения. Русский язык решает эту задачу по нескольким алгоритмам. Наиболее частый из них ориентация на финаль слова: слова с финалью на твёрдый согласный (хайп, вайб, стрим, мем) получают мужской род как наиболее типичный для существительных данной модели. Однако возможны и семантические решения: «токсик» в значении «токсичный человек» имеет мужской или женский род в зависимости от референта «он токсик» / «она токсик», что отражает семантическую, а не грамматическую мотивацию родовой принадлежности.

Показательна судьба несклоняемости как промежуточного состояния.

На первой стадии грамматического освоения многие сленгизмы употребляются без падежных флексий пишущий как бы отказывается приписывать им грамматические характеристики, оставляя слово «неопределённым». «Написал ему в *dm*», «зашёл в *Instagram*» в этих конструкциях иноязычные единицы синтаксически встроены в предложение, однако морфологически остаются «замороженными». Постепенно несклоняемость либо закрепляется как норма (по типу «кофе», «кино»), либо уступает место склоняемым формам: «написал ему в дэмэшку» (с кириллической записью и флексией), «зашёл в инсту».

Глагольная грамматическая русификация протекает иначе и, как правило, быстрее: русская видо-временная система предъявляет к глаголу требования, которые невозможно удовлетворить, не включив его в парадигму. Именно поэтому глагольные единицы (хайпить, стримить, постить, лайкнуть) оформляются суффиксально практически немедленно при вхождении в русский текст иначе они просто не функционируют как глаголы. Это делает глагольную русификацию одновременно неизбежной и быстрой.

Уровень четвёртый: семантическая русификация

Семантическая русификация наиболее сложна для описания и наименее предсказуема по результатам. Суть её состоит в том, что значение, которое сленгизм получает в русском употреблении, может существенно отличаться от исходного английского значения не случайно и не в результате ошибки, а в силу культурной переработки единицы.

Первый тип семантической русификации специализация значения. Многозначное английское слово получает в русском сленге одно, наиболее актуальное для данного коммуникативного контекста значение, тогда как остальные значения остаются за пределами. Английское *flex* имеет богатый семантический спектр сгибание, демонстрация силы, хвастовство, однако в русском сетевом сленге «флексить» устойчиво специализируется в значении «хвастаться, демонстративно показывать своё превосходство». Это значение выбрано не произвольно: оно наиболее частотно в контексте молодёжной культуры социальных сетей, где демонстрация статуса является одной из центральных коммуникативных практик.

Второй тип культурная переупаковка: слово сохраняет общий смысловой контур, однако наполняется культурными коннотациями, характерными для русскоязычной среды, а не для исходной. «Кринж» в английском - это прежде всего телесная реакция (съёживание), описывающая физическое ощущение стыда. В русском сетевом употреблении «кринж» стал оценочной этикеткой для широкого класса явлений, вызывающих вторичный стыд, причём без обязательной телесной

составляющей. Граница применимости слова в русском контексте оказывается шире, чем в английском.

Третий тип ироническая инверсия или переосмысление: единица приобретает в русском сленге значение, контрастирующее с исходным или как минимум существенно от него удалившееся. Этот тип семантической русификации наиболее сложен и наиболее интересен: он свидетельствует о том, что принимающая культура не просто усваивает иноязычное слово, но активно переосмысляет его, встраивая в собственную систему ценностей и иронических кодов.

Четырёхуровневая модель и её аналитические возможности

Предложенная четырёхуровневая модель графическая, фонетическая, грамматическая и семантическая русификация обладает рядом аналитических преимуществ перед традиционными подходами, рассматривающими освоение как единый и линейный процесс.

Во-первых, модель позволяет фиксировать асинхронность уровней: одна и та же единица может быть полностью освоена грамматически, но графически нестабильной (допускать варианты написания), или полностью русифицированной на графическом уровне, но семантически продолжающей переосмысляться. «Стример» грамматически полностью освоен (склоняется, образует форму множественного числа «стримеры», от него образуется прилагательное «стримерский»), фонетически стабилен, но семантически продолжает уточняться: входит ли в объём понятия «стример» только прямая видеотрансляция, или также записанный контент?

Во-вторых, модель делает видимым то промежуточное состояние, которое является нормой для интернет-сленгизмов: большинство из них не достигают полной русификации на всех четырёх уровнях и остаются «частично освоенными», что само по себе представляет теоретически значимый факт. Это означает, что бинарная оппозиция «своё и чужое» в применении к интернет-сленгу описывает лишь крайние точки шкалы, тогда как большинство реальных случаев располагаются между ними.

В-третьих, модель позволяет выявить закономерности приоритетности уровней: какой уровень русификации, как правило, предшествует другим? Анализ материала показывает, что в интернет-среде приоритет нередко принадлежит грамматическому уровню: потребность включить слово в синтаксическую конструкцию заставляет оформить его морфологически ещё до того, как устоялась его орфография или определился круг значений. Именно поэтому в сетевых текстах так часты варианты, где грамматически освоенное слово ещё пишется с колебаниями.

Традиционная социолингвистика рассматривает носителя принимающего языка как субъекта усвоения: он получает иноязычное слово и адаптирует его. Ситуация интернет-коммуникации существенно сложнее: значительная часть пользователей русскоязычного интернета обладает функциональным знанием английского, позволяющим воспринимать исходное слово напрямую. Это меняет динамику русификации: она происходит не через цепочку посредников (переводчик - редактор - читатель), а непосредственно в практике пишущего, который знает, что означает английское слово, и сам принимает решение о том, как его оформить по-русски.

Это означает, что русификация в интернет-среде является в значительной мере сознательным и рефлексивным процессом: пишущий не просто воспроизводит чужое, но активно конструирует русское слово из английского материала. Именно поэтому интернет-сленгизмы нередко демонстрируют нестандартные, «изобретательные» решения на грамматическом и семантическом уровнях решения, которые не могли бы возникнуть в условиях бессознательного усвоения.

Русификация и нормирование: кто устанавливает стандарт?

Принципиальный вопрос, возникающий в связи с русификацией интернет-сленга, касается нормирования: кто или что в отсутствие академического словаря и нормативных грамматик устанавливает «правильную» форму нового слова? Ответ, который даёт интернет-среда, заслуживает внимания: стандарт устанавливается частотностью. Та форма, которая воспроизводится чаще, постепенно вытесняет конкурирующие варианты по механизму, аналогичному эффекту «победы большинства» в сетевых протоколах.

При этом «большинство» в данном случае структурировано социально: наибольшее влияние на установление стандарта оказывают пользователи с широкой аудиторией блогеры, авторы крупных каналов, популярные стримеры. Именно от них нередко расходится та или иная форма нового слова, которая затем тиражируется подписчиками. Это означает, что русификация в интернет-среде является отчасти «авторской» управляемой не анонимным большинством, а конкретными влиятельными коммуникаторами, хотя и без их сознательного намерения устанавливать норму.

Данное наблюдение важно для теоретического понимания нормы в условиях сетевой коммуникации: оно свидетельствует о том, что «демократизация» языковой нормы, нередко приписываемая интернету, является неполной. Интернет действительно разрушает монополию академических институтов на нормирование, однако не заменяет её равноправием всех голосов он заменяет её иерархией, основанной на охвате аудитории.

Ограничения и открытые вопросы

Теоретический характер настоящей статьи обуславливает её ключевое ограничение: предложенная четырёхуровневая модель разработана на основе качественного анализа и нуждается в верификации методами корпусной лингвистики. Систематическое отслеживание конкретных единиц во времени с фиксацией графических вариантов, частотности, грамматических форм и семантических контекстов позволило бы проверить и при необходимости скорректировать гипотезу о приоритете грамматического уровня в условиях интернет-среды.

Открытым остаётся и вопрос о судьбе сленгизмов, не прошедших полной русификации: каков их дальнейший путь? Часть из них, по всей видимости, исчезает из употребления прежде, чем успевает завершить процесс освоения и их изучение требует обращения к архивным данным, которые интернет, как ни парадоксально, хранит надёжнее, чем любой другой медиум в истории.

Проведённый теоретический анализ позволяет сформулировать несколько выводов, вносящих вклад в понимание процессов языковой ассимиляции в условиях цифровой коммуникации.

Русификация англоязычных сленгизмов в интернет-коммуникации представляет собой поэтапный и многоуровневый процесс, охватывающий графический, фонетический, грамматический и семантический аспекты. Эти уровни развиваются асинхронно: единица может достичь полной грамматической освоенности при сохраняющейся орфографической нестабильности или семантической подвижности. Предложенная четырёхуровневая модель позволяет фиксировать эту асинхронность и описывать реальное состояние единицы более точно, чем традиционные бинарные классификации «освоено не освоено».

Интернет-среда является принципиально новым контекстом русификации, отличающимся от традиционных каналов заимствования по трём ключевым параметрам: скоростью распространения, письменным характером первичной фиксации единицы и рефлексивностью пишущего субъекта, нередко знающего исходное английское слово и сознательно конструирующего его русский эквивалент. Это означает, что теоретические модели, созданные для описания традиционного заимствования, требуют расширения и адаптации применительно к цифровой коммуникации.

Наконец, норма в условиях интернет-русификации устанавливается не академическими институтами, а частотностью употребления, структурированной влиянием широкоаудиторных коммуникаторов. Это не означает отсутствия нормы

оно означает иной механизм её возникновения, который заслуживает специального теоретического осмысления в рамках социолингвистики и теории языковой нормы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое : исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
2. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2008. – 48 с.
3. Володарская Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 96–118.
4. Кронгауз М. А. Самоучитель олбанского. – М. : АСТ, 2013. – 416 с.
5. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России : функционирование русского языка в Интернете. – 2-е изд. – М. : Изд-во РУДН, 2009. – 436 с.
6. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. – Волгоград : Изд-во ВГПУ, 2009. – 477 с.
7. Елистратов В. С. Словарь русского арго : материалы 1980–1990-х гг. – М. : Русские словари, 2000. – 694 с.
8. Никитина Т. Г. Так говорит молодёжь : словарь сленга. – 2-е изд. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 592 с.
9. Haugen E. The analysis of linguistic borrowing // Language. – 1950. – Vol. 26, № 2. – P. 210–231.
10. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. – 2-е изд. – М. : КомКнига, 2005. – 224 с.
11. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика : проблемы и принципы описания. – М. : Наука, 1977. – 315 с.